

Глава 1

ДИСНЕЙ

25 · IV · 1945

Берлин, район Тиргартен

Щуцман был молоденький, судя по виду, мобилизованный совсем недавно. Тощий, бледный, настоящий доходяга, с трудом удерживающий на плече тяжёлую винтовку: изо рта шёл пар, от промозглого холода его пробирала дрожь. Завидев приближающегося человека в чёрной форме (тот шёл вразвалочку, не торопясь), парень взволновался. Мужчина в возрасте за сорок, среднего роста, полностью седой, с чёрной повязкой на левом глазу (как у пирата), из-под ткани на щёку «спускается» белый шрам. Сразу понятно — прибыло важное начальство: из министерства или самой рейхс-канцелярии.

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер, любезный. Не надо так трястись, я не укушу. Внимательно рассмотри моё удостоверение. На него гляди, а не на меня, пожалуйста. Вот тут, видишь печать? «Крипо», «бюро “вэбэ”»¹, «комиссар Вольф Лютвиц, специальные расследования». Хорошо запомнил,

¹ В крипо входили четыре подразделения: VA — криминальная полиция и превентивные меры; VB — репрессивная криминальная полиция, преступления и правонарушения; VC — опознания и розыски; VD — Институт криминалистики зипо (гестапо и крипо).

правда? Ах, какой молодец. Давай показывай, что у нас случилось плохого.

Шуцман вернул аусвайс дрожащей рукой. Ему было не до шуток.

— Я ничего не трогал, господин гауптштурмфюрер¹. Нас строго предупреждали... если труп, то прохожих не допускать, не прикасаться, позвонить с ближайшего телефона в криминальную полицию, следовать её указаниям. Я действовал по инструкции.

«Иисус добрейший, какая же у нас чудесная страна, — мысленно усмехнулся Вольф. — Самое позднее через пару недель над столицей рейха будет развеяться русский флаг, а парень искренне боится, что ему влетит по службе».

Он выдавил улыбку, благосклонно потрепав запуганного шуцмана по щеке.

— Я без претензий, мой мальчик. Веди меня, я весь в твоём распоряжении.

Щёлкнув каблуками, полицейский направился в глубину леса. Вольф шёл за ним, вдыхая прохладный утренний воздух и слушая канонаду, доносящуюся с севера. Сегодня русские вошли в пределы Берлина — и, как обещает доктор Геббельс, скоро неминуемо найдут здесь свою могилу. Ибо каждый германский дом встанет на пути славянских варваров несокрушимой крепостью, и каждый немец, от младенца до старика, возьмёт в руки оружие, подобно древним викингам. Вольфа, впрочем, это уже нисколько не волновало. 3 февраля 1945 года, во время самого страшного авианалёта американских бомбардировщиков В-24 на город, заживо сгорела его жена Гертруда вместе с их детьми — десятилетними девочками-близнецами Анной и Катрин. Он даже не смог опознать мёртвые тела близких: могильщики по-

¹ В крипо, расследующей тяжкие уголовные преступления, для следователей были приняты звания СС.

казали ему яму с сотней обуглившихся трупов — в ту ночь в Берлине погибло 25 000 человек. Через два месяца бесконечного пьянства вместо сна Лютвиц спокойно пришёл к выводу, что лучше всего застрелиться. Так бы он и сделал... если бы не *Дисней*.

— Вот девушка, господин гауптштурмфюрер.

Обезглавленное тело полулежало, привалившись к стене. Вольф присел на корточки, внимательно осматривая труп. Изодранное в клочья грязное голубое платье. Молочно-белые босые ноги ниже колен исцарапаны и сбиты до синяков, на ступни вообще лучше не смотреть... но придётся. Ногти на руках ухожены, хороший маникюр, женщины остаются женщинами даже во время войны. Если судить по коже обезглавленного тела, покойной лет двадцать. Ни капли крови. Дождь за ночь всё смыл, а заодно и следы... собака не пригодится. Вольф встал и, не сдерживаясь, выругался — несколько раз подряд. Худосочный шуцман вздрогнул, воззрившись на него.

— Ну, кто на этот раз, шеф? — весело спросили сзади. — Я надеюсь, слонёнок Дамбо?

Заместитель Вольфа по отделу, унтерштурмфюрер Вилли Хофштерн, подошёл неслышно — привычка, оставшаяся со времен службы в разведроте на Восточном фронте. Вольф почувствовал сильный запах алкоголя, но не высказал недовольства по этому вопиющему поводу — сейчас не только в крипо, а и на позициях офицеры из аристократов не могут без дешёвого шнапса. Громыкнуло совсем рядом, однако Вилли не сделал попытки пригнуться. Лютвиц повернулся к нему без улыбки. Бледные щёки Хофштерна пылали красными пятнами после принятых минуту назад полутора сотен граммов шнапса, светлые пряди волос прилипли ко лбу. «Парень запасливый, наверняка и для меня что-то осталось», — хмыкнул Вольф.

— Дай-ка глотнуть, — без обиняков попросил комиссар.

Не стесняясь шуцмана, гауптштурмфюрер основательно приложился к фляжке Вилли.

— Нет, — мотнул он головой. — Если не ошибаюсь, сегодня у нас на блюде Золушка.

— Потрясающе, — поднял брови Хофштерн. — Жаль, что парень никак не обратит внимания на Бэмби. Вообрази себе славную картину: девушка, одетая оленёнком, с пристёгнутыми рогами, несётся через парк, а вслед за ней скачут удалые охотники.

Вольф криво усмехнулся и влил в рот ещё шнапса.

— Сцена довольно типичная для прошлых охотничьих выездов Диснея, — вытерев губы, сообщил гауптштурмфюрер. — Заранее выслеживает девицу. Как правило, из небогатой семьи, телефонистку или машинистку в маленькой конторе, лет двадцати от роду. Не сильно близко — тут мало кто живёт, в Тиргартене половина домов разрушена. Ждёт, пока жертва ляжет спать, и тишайше взламывает замок. Угрожает — скорее всего оружием. Заставляет переодеться в одежду героини диснеевского мультфильма: барахло приносит с собой либо ищет у девушки нечто похожее в гардеробе. Затыкает рот кляпом или усыпляет малой дозой хлороформа. Привозит в парк Тиргартена и выпускает, а затем... охотится на неё, как на животное. Он очень хороший специалист, Вилли, профессиональный. Грамотно загоняет дичь. Ему неинтересно сразу взять и убить — радуется сам процесс. Девушка бежит через весь лес, прячется, он её обязательно находит и отрезает голову. Пятый случай за последние три недели. Тех четверых опознали родственники — родинки на теле, шрамы от аппендицита не тронуты.

— Фриц так и наши головы скоро снимет, — тихо, чтобы не слышал шуцман, сказал Вилли.

Фрицем они звали главу крипо, криминальной полиции рейха, — оберфюрера СС Фридриха Панцингера, назначенного на пост после «предательства» прежнего начальника — Артура Небе, недальновидно принявшего

участие в июльском заговоре против великого фюрера. Самого Небе казнили совсем недавно, третьего марта, — генерала, скрывавшегося на маленьком острове, выдала любовница по простой дамской причине: он в своё время отказался на ней жениться. Панцингер, разумеется, был вне себя от появления в Берлине серийного убийцы. Случись это ещё в сорок четвёртом — и Вилли, и Вольф пополнили бы ряды в штрафной дивизии Дирлевангера¹. Фюрера в известность о зверских расправах над девушками в Тиргартене, безусловно, не поставили. А гауляйтер Берлина доктор Геббельс лишь скривил лицо: «Когда русские у ворот столицы империи и тысячи мальчиков из фольксштурма гибнут каждый день, вы предлагаете мне заниматься тремя отрезанными головами? Ловите этого маньяка сами». Да, тогда их было ещё три. Сейчас они стоят у вымокшего тела пятой жертвы.

— Сынок, ты нам больше не нужен, — обратился Вольф к шуцману. — Возвращайся на свой пост, мы с господином унтерштурмфюрером обсудим секретные тонкости расследования.

Шуцман вскинул правую ладонь и побрёл прочь. Не раньше, чем он скрылся из виду, Вольф вернулся к беседе. В Германии лучше общаться без лишних ушей. Приказано безоговорочно верить в победу, а тех, кто сомневается, — в петлю или к стенке.

— Да, я обещал Панцингеру поймать Диснея, — взял он под локоть благоухающего шнапсом заместителя. — И понятия не имею, что нам делать. С пятого апреля он отрезает в Тиргартене головы девушкам, но целых три недели подряд у меня связаны руки. Просил хотя бы роту СС, поставить вокруг парка оцепление — отказали. Всё

¹ Зондеркоманда СС под управлением оберфюрера Оскара Дирлевангера (бывшего уголовника, осуждённого за педофилию) всегда формировалась из заключённых концлагерей, тюрем и преступников, фактически штрафбат.

для фронта, русские взяли Зееловские высоты. А цыплята из вчерашних школьников мне не нужны.

Унтерштурмфюрер настороженно оглянулся по сторонам.

— Зачем мы вообще этим занимаемся? — еле шевеля губами, шепнул он. — Ты же понимаешь — остались считанные дни. Берлин окружён. У моего дяди есть ресторанчик в Испании. Давай переоденемся в гражданское, попробуем уйти, пока можно... Бросим всё к дьяволу... Документы достать, сам понимаешь, особой проблемой не является. Знакомый уголовник сделает — качество блеск, как настоящие. Решайся, Вольф.

Лютвиц посмотрел на коллегу пустым, потухшим глазом.

— Мне некуда и незачем идти. Гертруда с девочками превратились в дым. Считанные дни? Отлично. Значит, у меня есть ещё немного времени, чтобы поймать эту сволочь. Он же откровенно издевается над нами. Знает, что в розыске. И всё равно убивает по девчонке раз в несколько дней, график у него. Пускай это станет моим главным развлечением перед смертью — он выслеживает девушек, а я поохочусь на него самого. И знаешь, я в более выигрышном положении. Мне, в отличие от Диснея, нечего терять. Такая бесподобная игра случается единственный раз в жизни.

— Ты сошёл с ума, Вольф.

— Конечно. Знаешь, как прекрасно чувствовать себя сумасшедшим?

Мёртвое тело они осматривали молча — под непрерывную канонаду орудий, теперь уже с юго-востока. Прибывшая вскоре бригада крипо почтительно ждала неподалёку, пока они разглядывали ногти покойницы, пытаясь выудить хоть частичку кожи убийцы. Наконец Вольф поднялся с колен, мокрый и грязный. Процедил пару ругательств, сорвал и с силой бросил в раскисшую траву обе перчатки.

Ничего. Опять ничего.

Они нарочито неторопливо шли к машине через лес, по очереди прикладываясь к фляжке. Шофёр вскинул руку, Вольф в ответ сделал еле заметное движение правой конечностью, словно собирался почесаться. По дороге к зданию Имперского управления безопасности на Принц-Альбрехт-штрассе все трое молчали. Лютвица подташнивало от выпитого на голодный желудок. Он сделал знак водителю, и тот притормозил «хорь».

— Спасибо, Генрих. Мы с господином унтерштурм-фюрером пройдемся.

У полуразрушенного дома на углу немолодой фельдфебель отдавал команды подразделению фольксштурма — десятку подростков с фаустпатронами¹ на плечах и пятерым пожилым ополченцам: старшему было изрядно за шестьдесят. Он никак не мог удержать в дрожащих руках винтовку, хватался за сердце. Фельдфебель, раздувая усы, угрожал пенсионеру всеми муками ада. На дереве близ книжного магазина качались на апрельском ветру неумело вздёрнутые (один выше, другой ниже) трупы двух мужчин — в чёрном пальто и в кургузой куртке с заплатой на спине. На груди повешенных булавками были припилены листы бумаги: «Я призывал сдаться». В стороне солдаты СС проверяли документы у женщины с большой сумкой, набитой тряпьем, — по её щекам катились слёзы, она кричала, размахивая руками, показывая на себя и на руины дома. Один из эсэсовцев лениво снял с плеча автомат. Вольф и Вилли не обернулись, услышав короткую очередь. Уличные мародёры не по части их ведомства.

— Дорогой Вилли, — шепнул комиссар Лютвиц, фамильярно обняв заместителя за шею. — Вот интересно. Район Тиргартен разрушен бомбардировками. Девушки живут не в двух шагах отсюда. Их надо захватить. Связать. Привезти в парк. И всё это — в прифронтовом городе,

¹ Лёгкий противотанковый одноразовый гранатомёт.

где на каждом шагу патрули СС, одержимые мыслями о шпионах, паникёрах и предателях. И как ты думаешь, почему Дисней проникает через все заслоны в комендантский час... а мы не получаем донесений от патрульных с описанием подозрительной личности?

— Не знаю, — честно ответил Хофштерн. — Ты мне расскажи.

— У него есть пропуск, — дохнул ему в лицо перегаром Лютвиц. — И очень хороший. Наш мальчик с отрезанными головами стопроцентно не из рабочих кварталов Веддинга. Его аусвайс даёт проезд в любое место Берлина без малейших проблем.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Вилли.

— Почти все маньяки-убийцы из неблагополучных семей, это существа без высшего и даже без среднего образования, с одной извилиной в мозгу. Тут совершенно иной случай. У парня либо отличные связи, либо хорошая должность.

Снаряд врезался в стену слева — обоим упруго ударило взрывной волной. Дальше шли до Принц-Альбрехт-штрассе молча, каждый думал о своём. Вольф по привычке придерживал левую руку — в сорок втором врачи достали из неё десять осколков русской гранаты Ф1 (прозванной лимонкой), брошенной партизанами, навсегда лишившей его левого глаза.